

Текст · 11 декабря 2020, 07:09

Елизавета Пестова,

Актный зал, АК достал. Краткая история «колумбайнов» в России

В начале октября 18-летний студент Данил Монахов расстрелял нескольких человек на автобусной остановке в поселке Большеорловское Нижегородской области и убежал в лес. Юношу нашли только утром — точнее, его труп с ранением головы. По словам сокурсников по колледжу-интернату, Монахов собирался скопировать массовое убийство, которое больше 20 лет назад произошло в американской школе «Колумбайн». Но бабушка пыталась помешать ему выйти из дома с ружьем, поэтому студент выстрелил сначала в нее, потом в случайных людей на остановке и, наконец, в себя.

Еще через пару месяцев, 10 декабря, уже в Туле суд арестовал 18-летнего юношу — его обвинили^[1] в подготовке нападения на некое «учебное заведение».- Как всегда силовики не приводят почти никаких подробностей: известно только, что у молодого человека изъяли обрез охотничьего ружья, а в его технике нашли информацию о «об аналогичных преступлениях» — все тех же «колумбайнах». ФСБ распространила фотографии подозреваемого, где видно, как он держит в руках обрез. На следующем кадре парень уже лежит лицом в снег.

Первые новости о случаях стрельбы в российских учебных заведениях начали появляться в 2014 году —

по аналогии с убийствами в американских школах их быстро стали называть просто «шутингами». Через несколько лет, в 2018-м, таких сообщений стало гораздо больше: с тех пор спецслужбы регулярно отчитываются о предотвращении массовых убийств и терактов в школах и колледжах. За последние годы оперативники ФСБ задерживали подростков по всей стране, от [Сахалина](#) до [Крыма](#): в [Хабаровске](#), [Благовещенске](#), [Красноярске](#), [Барабинске](#), [Тюмени](#), [Кушве](#), [Снежинске](#), [Кирове](#), [Костроме](#), [Волгограде](#), [Зарайске](#), [Саратове](#), [Стерлитамаке](#), [Перми](#), [Улан-Удэ](#) и [Вольске](#).

По подсчетам «Медиазоны», всего в результате нападений на школы и колледжи в России погибло 32 человека (в основном, студенты и педагоги), пострадали — 111 человек.

Обобщить суть уголовных дел против подростков-колумбайнеров непросто — информации мало, подробности скудны, где-то речь идет о теракте в школе, где-то о массовом убийстве. Оружие тоже разнообразное: от легально оформленных ружей до самодельных взрывных устройств, коктейлей Молотова и ножей. Разброс наказаний — от принудительного лечения до колонии строгого режима. Родители и знакомые подростков, как правило, боятся общаться с журналистами. «Медиазона» попыталась разобраться, что толкает молодых людей на убийства и смерть и как государство пытается этому противостоять.

Можете величать меня исчадием ада

«Колумбайн» — это название школы в американском штате Колорадо, где 20 апреля 1999 года произошло массовое убийство. Школьники Дилан Клиболд и Эрик Харрис заложили бомбы в столовой, после взрыва они планировали расстрелять выбегающих на улицу одноклассников и учителей. Впрочем, взрывные устройства не сработали, поэтому подростки, вооружившись ружьями, карабином и пистолетом, устроили бойню внутри школы. Убив 13 человек, они застрелились сами. 23 человека получили ранения.

Другие ученики «Колумбайна» рассказывали, что сверстники травили Клиболда и Харриса, обзывая их «неудачниками» и «пидорами». «Я могу понять, как эти парни могли легко получить много насилия — не всегда физического, а просто словесного. Кто-то случайно проходил мимо в холле и говорил: "Привет, приятель, хорошая помада", — просто мелочи, которые, я думаю, накапливаются со временем», — **вспоминал** один из студентов. По его словам, травлей занимался не один ученик или конкретная группа, буллинг в школе был систематическим.

Массовое убийство освещалось в американских медиа максимально подробно: всего через 40 минут после первых звонков об атаке в экстренные службы *CNN* **начал** прямую трансляцию с места событий, а местный телеканал **вел** съемку с вертолета. Спустя 20 лет *Atlantic* **назвал** шутинг в «Колумбайне» «зрелищем национального масштаба». В конце концов слово «колумбайн» стало эвфемизмом для обозначения любой стрельбы в школах.

В России похожее по уровню медийности и числу жертв нападение на учебное заведении произошло в октябре 2018 года. 18-летний студент Керченского политехнического колледжа Владислав Росляков пришел на пары с бомбой, самодельными гранатами и помповым ружьем. «У Влада идея-фикс. Он хочет во что бы то ни стало детальнейше повторить "Колумбайн"», — говорится в начале [фильма](#) *Vaza*, вышедшего в годовщину расстрела.

Росляков устроил взрыв в столовой, после которого расстрелял студентов и преподавателей колледжа. Вскоре здание опустело и он ушел в библиотеку, чтобы застрелиться — как и Клиболд с Харрисом. Погибли 20 человек, не считая самого Рослякова. В списке жертв пятеро работников колледжа, все остальные — студенты. Еще 67 человек, по официальным данным, были ранены. Это самое большое число жертв среди всех шутингов в России.

Несмотря на план Рослякова, расстрел в Керчи не во всем повторял «Колумбайн», зато освещался в медиа почти так же активно. К вечеру 18 октября о массовом убийстве знали все. Записи с камер наблюдения, на которых Росляков бродит по коридорам и вскидывает ружье, [показали](#) по телеканалу «Вести.Крым»; события в Керчи [обсуждались](#) в прямом эфире «Пусть говорят» с Андреем Малаховым. Ситуацию [прокомментировал](#) даже Владимир Путин, он назвал трагедию «результатом глобализации» и посетовал, что в интернете мало «интересного, полезного» контента для молодежи: «Молодые люди с неустойчивой психикой каких-то лжегероев себе создают».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Через несколько дней «Проект» сообщил, что государственным агентствам и телеканалам негласно запретили сравнивать атаку на керченский колледж с «Колумбайном» — это было сделано для того, чтобы не допустить появления «лишнего интереса» к массовым убийцам.

Впрочем, «глобализация» и «лишний интерес» к теме массовых убийств — не единственные версии. Студент Росляков, как и вдохновившие его американские подростки, страдал от травли в колледже. «В чем причина [случившегося] в Керчи? Унижение на основе разного имущественного положения. Этого мальчика в Керчи постоянно унижали одноклассники», — говорил глава Следственного комитета Александр Бастрыкин спустя полгода после нападения.

Снайперы мелькают в окне

Образы Харриса и Клиболда были очень яркими: подростки пошли на убийство в длинных черных

плащах, перчатках и очках. На кадрах с камер видеонаблюдения в Харрис рассказывает по школе в черных брюках-карго и белой футболке, поверх которых надета разгрузка^[2], его стиль спустя почти 20 лет повторит крымчанин Влад Росляков. А бурятский школьник Антон Б. для резни в своей школе выбрал футболку рок-группы *KMFDM* — такую же носил Дилан Клиболд.

Вокруг расстрела в «Колумбайне» сформировалась своеобразная субкультура — поклонники американских подростков стали называть себя «колумбайнерами» и вести блоги, например, на *Tumblr* — поиск по сервису выдает тысячи постов с хэштегами *#columbine*, *#ericharris* и *#dylankleabold*.

Со временем сообщества «колумбайнеров» появились и в российском «ВКонтакте». Власти и силовики заинтересовались ими после января 2018 года, когда с разницей в несколько дней нападения произошли в трех российских школах: в Улан-Удэ, Челябинской области и Перми. Уже к концу месяца Роскомнадзор рапортовал, что администрация «ВКонтакте» удалила девять «колумбайн-сообществ и посты схожей тематики с четырех страниц» (несмотря на это, через несколько месяцев журналистка РИА «Новости» написала статью о «внедрении» в эти паблики).

Вскоре депутат Ирина Яровая, известная своими запретительными инициативами, внесла в Госдуму законопроект о немедленной досудебной блокировке пабликов о «Колумбайне». Закон был принят

достаточно быстро, Путин подписал его спустя семь месяцев, в декабре 2018-го.

«Защищая детей от вовлечения в преступное сообщество, мы решаем двуединую задачу: во-первых, не позволяем самого ребенка сделать преступником, склонить его к совершению преступлений, а во-вторых, защищаем ребенка, не позволяя сделать его жертвой преступления», — писала Яровая о «колумбайн-сообществах»^[3].

Тем не менее, паблики, посвященные «Колумбайну», продолжали в том или ином виде существовать. К ноябрю 2020 года «ВКонтакте» открытых тематических групп почти не осталось (заметки о стрелках из «Колумбайна» перекочевали в сообщества о серийных убийцах). Несколько аккаунтов о школьных шутингах можно найти в инстаграме — в основном, в них не больше сотни подписчиков, а слова «колумбайн» их авторы избегают. Гораздо больше колумбайн-контента можно найти в *TikTok* — короткие ролики, обыгрывающие атаку на школу, снимают подростки из разных стран, в том числе из России.

Сложней всего было найти тротил и запал

В 2018 году в Национальном психологическом журнале вышла статья о причинах и механизмах массовых убийств в учреждениях образования. Авторы изучили все случаи нападений на российские школы и колледжи с 2014 по 2018 год: в зависимости от подхода к оценке и различий в оружии, таких инцидентов они насчитали от 15 до 19. Один из авторов статьи, доктор психологических наук

Денис Давыдов, рассказывает «Медиазоне», что занимался темой «колумбайна», работая в Городском психолого-педагогическом центре Москвы.

«Заказа не было от руководства, и никто не одобрял эту деятельность. Никому это особо не надо было», — говорит Давыдов.

По его словам, силовики и чиновники не рефлексиируют о причинах школьных расстрелов и решения ищут «в понятных для них областях» — в первую очередь, в новых запретах («поставить заборы, натянуть колючую проволоку, поставить металлоискатели»). Именно такая реакция последовала после атаки на колледж в Керчи, когда основные предложения чиновников касались усиления охраны школ и ужесточения правил владения оружием. Генпрокуратура пошла дальше и предложила вообще запретить освещать «преступления подростков» в медиа.

В Благовещенске силовики отреагировали на стрельбу в колледже уголовными делами — но не против студента, который застрелился, убив одного человека, а против директора ЧОП и охранника^[4]. Следователи придрались к оформлению документации и отсутствию металлодетекторов на входе в колледж — только из-за этого студент Даниил Засорин смог пронести на занятия ружье, считает СК.

Второй типичный вид реакции на шутинг — объявить школьника «ненормальным». «И тут же в средствах массовой коммуникации появляются психиатры,

которые очень успешно находят диагноз. Диагноз всем известный», — говорит психолог Давыдов.

Тема психических заболеваний, к примеру, стала ключевой в деле москвича Сергея Гордеева, устроившего 2014 году стрельбу в школе № 263 района Отрадное — это был первый в России шутинг с жертвами. 15-летний Гордеев принес в школу два отцовских ружья, застрелил учителя географии, полицейского и в итоге сдался силовикам.

Гордеева признали невменяемым: психиатры поставили подростку диагноз «параноидальная шизофрения» и сочли, что он нуждается в «срочном лечении»; в марте 2015 года суд признал^[5] подростка виновным и отправил на принудительное лечение. Гордеев освобожден из психиатрической больницы еще в 2017 году — его перевели на амбулаторное наблюдение. Адвокат Игорь Трунов, защищавший Гордеева в суде, позже настаивал, что экспертиза недействительна, а его подзащитного лечить не от чего, так как он абсолютно здоров.

«Хорошо сказать: во-первых, он дурак или какой-то сумасшедший, с психическими отклонениями. Второе: есть какая-то безалаберность должностных лиц. А реальность, конечно, сложнее намного», — резюмирует Давыдов.

В действительности никакого четкого психологического портрета школьного стрелка не существует, добавляет он. В начале двухтысячных Секретная служба и министерство образования США провели крупное исследование нападений на школы,

но так и не смогли перечислить универсальные для всех «колумбайнеров» характеристики.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Иду гулять по школе

Важная тема в обсуждении шутингов — травля (или буллинг) в школе. По словам психолога Давыдова, буллинг «присутствует не во всех, но в большинстве» таких ситуаций по всему миру. Исследователи из Высшей школы экономики (ВШЭ) Мария Новикова и Артур Реан тоже отмечают, что травля «всегда имеет место в определенном социальном контексте, в котором подобное поведение поддерживается и поощряется».

«Формы травли различаются в сельских и городских школах России. И в городе, и в сельской местности дети чаще всего прибегают к вербальной травле, самый распространенный вариант которой — оскорбления, но в городе они встречаются почти в полтора раза чаще, чем на селе. Физическая агрессия более характерна для школ мегаполиса, равно как и прямые формы травли; в сельской местности

школьники чаще прибегают к травле косвенной», — пишут Новикова и Реан.

Они проанализировали 80 исследований из разных стран и пришли к выводу, что в среднем с травлей регулярно сталкиваются 35% школьников; по данным за 2015 год, 27% российских школьников подвергались буллингу. К факторам риска, помимо климата в школе, Новикова относит также семейные отношения и индивидуальные особенности жертвы — большую роль играет уровень дохода и образование родителей. В зону риска попадают подростки из малообеспеченных семей и дети родителей, у которых есть только среднее образование — такие школьники подвергаются психологическому насилию чаще.

При этом и жертвами, и инициаторами травли чаще становятся мальчики, отмечает психолог Новикова. Ее коллега Денис Давыдов называет пол единственным «железным признаком» школьного стрелка. По его словам, массовые убийства совершают только мальчики — это связано как с ростом тестостерона во время пубертатного периода, так и с «гендерными предубеждениями» и культурой насилия.

Новикова и Реан из ВШЭ пишут, как важны в этих случаях действия педагогов и их отношения с учеником. «Когда учителя описывают способы своего реагирования на буллинг, становится понятно, насколько велико расхождение между их знаниями и реальным опытом; теоретические знания почти никогда не реализуются в их профессиональной

практике в большинстве случаев они действуют бессистемно, полагаясь на собственный опыт и интуицию», — заключают ученые.

«Где-то в школах просто не хотят об этом говорить — даже на уровне городов, районов, областей, — рассуждает о буллинге в российских школах психолог Денис Давыдов. — Где-то более-менее проблему поднимают, где-то загоняют [ее] в угол. Она и сама прячется, потому что буллинг уходит в онлайн, в социальные сети. И в школе становится это незаметно»

Исследовательницы из ВШЭ добавляют, что последствия школьного буллинга для его жертвы могут быть как незамедлительными, так и отсроченными — от ухудшения успеваемости до клинической депрессии и мыслей о суициде.

Объявить всем обидчикам личный джихад

Психолог Давыдов объясняет, что «колумбайн» не бывает спонтанным: перед тем, как прийти к этой мысли, подросток обязательно проходит несколько этапов трансформации. Первый этап включает в себя «осечки в механизмах социального взаимодействия» — например, буллинг или другие проблемы в общении со сверстниками — и запускающую ситуацию. «У человека происходят вполне понятные последствия: психологическая травма в виде каких-то переживаний, заикливания. Вполне естественным механизмом является либо ответ "подраться", либо, есть такое, насильственная фантазия», — говорит он.

Дальше следует этап, когда фантазия о насилии становится для подростка излюбленным способом реагирования на неприятности. На следующем этапе трансформации он начинает говорить о своих идеях вслух и «оставлять следы», объясняет Давыдов: «Возникает ощущение, что такой человек пытается разговаривать с окружающим миром. Он дает сигнал, вплоть до обсуждения каких-то [конкретных] тем с одноклассниками».

Таким сигналом может быть, например, видеообращение будущего стрелка. Зачастую о нем становится известно уже после расстрела — так произошло с Даниилом Засориным, который в ноябре 2019 года застрелил в своем колледже одноклассника и ранил еще троих человек. Оригинальное видео, судя по всему, удалено, но на ютубе можно найти перезалитое обращение под заголовком «Предсмертный манифест Даниила Засорина». На нем подросток говорит, что «никто не сможет остановить это» и упоминает друга, с которым перестал общаться. Кроме того, студент рассуждает о событиях в школе «Колумбайн», своей жизни и винит во всем «взрослых». Один из студентов амурского колледжа упоминал, что Засорина жестко травили.

Давыдов обращает внимание и на то, что массовые расстрелы в школах носят ритуальный характер: ученик отправляет «послание всеми своими действиями» — приносит слишком много оружия, нападает не на своих обидчиков, а на первых попавшихся людей, записывает видеообращения. Отрадненский стрелок Сергей Гордеев долго разговаривал с одноклассниками, которых взял

в заложники, вспоминает психолог. А керчанин Росляков выбрал для нападения футболку с надписью «Ненависть» и явно пытался продемонстрировать свое отношение к колледжу.

«Наконец, человек часто не рассчитывает спастись. Он не маскируется, он не предусматривает планы отступления, не прячется. Он демонстративно так себя ведет», — заключает Давыдов.

Некоторые школьные стрелки действительно готовы идти до самого конца — как те же Даниил Засорин и Владислав Росляков, которые застрелились после «колумбайна».

В начале сентября ФСБ [отчиталась](#) о задержании в нескольких регионах 13 «граждан России». Особых подробностей в спецслужбе не привели: задержанные якобы планировали массовые убийства при помощи бомб, коктейлей Молотова и ножей, оперативники также изъяли «схемы нападений на учебные заведения, здания правоохранительных структур и места с массовым скоплением людей». О подготовке теракта именно в школе говорилось лишь на скриншоте переписки, показанной на видео ФСБ: «Теракт хочу в школе сделать. Пойду на линейку в школу. 100 хочу убить».

Через несколько часов красноярское управление Следственного комитета [сообщило](#), что 15-летний парень из Минусинского района собирался устроить теракт^[6] в школе. Судя по пресс-релизу, СК в этом деле играет формальную роль

— «материалы» на минусинца следователям передала ФСБ, задерживали его тоже оперативники спецслужбы. На ролике СК видно, как двое бойцов в камуфляже и балаклавах заводят в кабинет к следователю человека, его лицо закрыто капюшоном. В следующей сцене, вероятно, запечатлен допрос — все это время бойцы стоят за задержанным.

Его имя до сих пор неизвестно. Суд [отправил](#) школьника под стражу — скорее всего, еще до сообщения о его задержании. Связан ли арестованный школьник с теми красноярцами, кто попал в психдиспансер, также неизвестно.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Завтра последний звонок

Психолог Денис Давыдов уверен, что правоохранные органы могут раскрывать готовящиеся «колумбайны» — в основном за счет мониторинга социальных сетей. Такая практика есть за рубежом, и именно этим способом, судя

по сообщениям пресс-служб, пользуются российские силовики.

В конце августа стало известно о девяти красноярских подростках, отправленных в психдиспансер из-за подписки на паблики о «Колумбайне» во «ВКонтакте». Одной из них была 14-летняя Алена Прокудина, семья которой быстро связалась с адвокатами и медиа, чтобы привлечь внимание к недобровольной госпитализации. Ее необходимость силовики аргументировали тем, что в телефоне у Прокудиной сохранены фотографии на тему «колумбайна». Девушка пролежала в диспансере две недели, возбуждать против нее дело СК не стал. Через месяц похожая история произошла с челябинским студентом Денисом Куценко.

Давыдов критикует такой подход и называет его непрофессиональным. «Нападение на школу это не психиатрическая тема, это не медицинский диагноз. Мало того, что это ошибочно, это отвлекает силы, это неэффективно, это еще возвращает — громкое слово — карательную психиатрию», — уверен он.

Работу по выявлению потенциальных стрелков могут проводить социальные педагоги-психологи, считает Давыдов. Так и вышло в истории нижегородца Данила Монахова, который на протяжении нескольких лет планировал расстрел в колледже-интернате. Весной 2019 года специалистка мониторилла страницы учеников в соцсетях и наткнулась на статус Монахова «Да настанет судный день», дату рождения он сменил на 20 апреля 1999 года — день стрельбы в «Колумбайне».

После этого полиция провела со студентом «воспитательную беседу», но никаких обвинений Монахову не предъявили, хотя он не скрывал свои намерений. Воспитательные беседы или «профилактическая работа» — основная задача инспекторов по делам несовершеннолетних МВД, во многом похожая на задачи участковых. Еще инспекторы ставят на учет и проводят беседы^[7] с подростками и их родителями, **зачастую** вместе с сотрудниками отделов соцзащиты и органов опеки.

12 октября Монахов собирался забрать из дома ружье, чтобы устроить шутинг в колледже. Осуществить задуманное у него не получилось — помешала бабушка, ее Монахов тяжело ранил. Затем, уже с ружьем, он отправился на сельскую остановку, застрелил троих человек и еще троих ранил, а затем скрылся в лесу. Силовики нашли его только через сутки с простреленной головой. Рядом с телом Монахова лежало ружье — по официальной версии, он застрелился.

Следственный комитет отреагировал на происшествие ожидаемо — обвинения предъявили врачу, выдавшему Монахову справку для разрешения на оружие, и инспектору отдела по делам несовершеннолетних. По версии СК, сотрудница отдела в марте 2019 года вынесла незаконный отказ^[8] в возбуждении дела против Монахова. Врача **обвинили** в халатности (статья 293 УК), инспектора — в злоупотреблении должностными полномочиями (часть 1 статья 285 УК).

О работе следователей с делами о шутингах в январе 2020 года рассказывал генпрокурор Игорь Краснов, тогда занимавший пост замглавы СК. «Ограничиваться лишь наказанием виновных было бы неправильным, поэтому в рамках профилактики мы пытаемся понять суть проблемы и решить ее комплексно», — говорил он. Краснов отмечал недостаточную охрану школ — по его мнению, нужно предъявлять «особые требования» к охранным предприятиям.

«Охрана по периметру школы точно не принесет пользы, — заключает психолог Давыдов. — А вот выявление признаков и очень нежная, деликатная проверка гипотез, и если что-то есть, то предпринятие каких-то мер, изъятие оружия или чего-то — это да, это возможно».

Редактор: Егор Сковорода

-
1. Впрочем, пока что уголовное дело возбуждено только о по статье незаконном обороте оружия (статья 222 УК).
 2. Ременно-плечевая система, к которой крепятся подсумки с боеприпасами и другое необходимое во время боевых действий снаряжение, например, аптечка.
 3. В той же пояснительной записке упоминаются и «группы смерти». Никакого описания этих «преступных сообществ» в законопроекте нет. Авторы лишь отмечали, что паблики направлены на «вовлечение детей в преступную деятельность через распространение информации, направленной на склонение или иным образом вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих опасность для их жизни и жизни окружающих».

4. Директора ЧОП «Сириус-А» Сергея Андрющенко и охранника Олега Ермолова обвинили в предоставлении услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшими по неосторожности смерть двух или более лиц (часть 3 статьи 238 УК, до 10 лет лишения свободы).
5. Гордеева обвиняли в захвате заложников (статья 206 УК), убийстве (статья 105) и посягательстве на жизнь полицейского (статья 317).
6. Его подозревают по части 1 статьи 30 части 1 статьи 205 УК (приготовление к террористическому акту), статьи 205.3 (прохождение обучения с целью осуществления террористической деятельности), части 1 статьи 222.1 (незаконное хранение и переноска взрывных устройств), части 1 статьи 223.1 (незаконное изготовление взрывных устройств).
7. В инструкции МВД указаны десять категорий несовершеннолетних, с которыми нужно проводить эту работу — например, употребляющих наркотики и алкоголь или тех, кто совершал административные нарушения.
8. В ведомстве считают, что дело должно было быть квалифицировано по части 1 статьи 30, пунктам «а, е» части 2 статьи 105 УК. Такие дела находятся в подследственности СК.